

Summary

A. M. Litvin

LEPEL OPERATION 1943: FROM THE EXPERIENCE OF PLANNING AND CARRYING OUT COMBAT OPERATIONS OF BELARUS PARTISANS TO DESTROY THE ENEMY GARRISONS DURING THE LIBERATION OF B

The article contains data on the partisan offensive operation in the Lepel region in October 1943. This operation was coordinated with the command of the Soviet army and led to the defeat of several garrisons and the capture of a large amount of weapons. But it was not possible to release and hold such centers of the invaders as Lepel, Bocheikovo, Chashniki.

Е. А. Гребень

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКО-ЛЕПЕЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗОНЫ (по материалам устной истории)

Во время Великой Отечественной войны наличие крупных лесных массивов в Беларуси создавало благоприятные условия для развертывания масштабной вооруженной борьбы в тылу германской армии. На севере республики образовалась масштабная Полоцко-Лепельская партизанская зона. По оценкам Лепельской районной администрации, к 1943 г. под контролем партизан находилось десять волостей, оставшиеся три также частично были под их контролем [2, л. 125]. Фактически под контролем оккупационных властей оставались лишь сам город Лепель и небольшие территории вокруг опорных пунктов немцев и полиции. Размах партизанского движения вынуждал оккупационные власти дислоцировать на территории района, помимо тыловых подразделений вермахта, в разное время ряд вооруженных формирований коллаборационистов: украинский и латышский полицейские батальоны, Русскую национальную бригаду СС «Дружина», Русскую освободительную народную армию. Ответом немцев на партизанское движение стали карательные операции против партизан и мирных жителей. По свидетельствам очевидцев, только на территории Лепельского и Ушачского районов (именно там проживали информанты, принимавшие участие в нашем исследовании) с августа 1941 г. по июнь 1944 г. оккупантами было проведено девять карательных операций, а в масштабах всей Полоцко-Лепельской партизанской зоны их было еще больше [1, с. 344–347].

Летом 1941 г., когда части вермахта двигались на восток, во время отдыха немцев в населенном пункте местные жители страдали от реквизиций¹. Жи-

¹ Воспоминания Козловского Ивана Иосифовича, 1932 г. р. : записаны 20 сент. 2011 г. в д. Затежлясье Лепельского р-на. Аудиозапись (52 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

тельница деревни Затежлясье характеризует ситуацию следующим образом: «Прышлі к нам немцы нейкія нядужа дрэнныя. Толькі ня білі нас, такога нічога, а браць бралі і гэта. Яйцо і курэй бралі, усё»¹. Также упоминаются немцы, гнавшие колонны советских военнопленных, расстреливая тех, кто отставал (потом их хоронили местные жители)². В доме жителя деревни Лазовики немцы размещались около недели. Немецких солдат местные жители могли видеть в качестве охранников различных объектов (железной дороги, мостов) в окрестностях населенного пункта. Порой информант замечал подробности внешнего вида, которые потом становились кинематографическим штампом. Например, во время сильных холодов немецкие солдаты обматывали голову шарфами³. Последующие контакты с врагом происходили, как правило, уже во время блокады, когда немцы размещались в деревнях на отдых, в период карательных операций, когда приезжали в деревни с целью их уничтожения⁴.

С уходом советской власти стали распадаться коллективные хозяйства. Вопреки позиции немецких оккупационных властей, требовавших сохранения на первых порах колхозов как отлаженной системы выкачивания продовольствия, колхозы были стихийно распущены, коллективизированное имущество разделено между гражданами⁵. Раздел происходил в каждом конкретном случае по-разному. Где-то колхозная земля была разделена «по шнуркам», мужчины вытягивали номерки с указанием конкретного надела. Также делились колхозный скот и инвентарь. Если не было возможности обеспечить каждую семью (часть колхозного скота была эвакуирована летом 1941 г. или реквизирована вермахтом), то практиковалось закрепление одной лошади за несколькими (до семи) хозяйствами одновременно⁶. В другом случае информант сообщает, что раздел колхозного имущества

¹ Воспоминания Бороденок Татьяны Ивановны, 1926 г. р. : записаны 13 авг. 2007 г. в д. Затежлясье Лепельского р-на. Аудиозапись (1 ч 25 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

² Воспоминания Буйницкой Галины Никифоровны, 1925 г. р. : записаны 9 июля 2009 г. в д. Савин Дуб Лепельского р-на. Аудиозапись (1 ч 12 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

³ Воспоминания Малявко Павла Филипповича, 1928 г. р. : записаны 18 окт. 2018 г. в д. Лазовики Лепельского р-на. Аудиозапись (1 ч 10 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

⁴ Воспоминания Буртыля Степана Васильевича, 1933 г. р. : записаны 23 февр. 2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (28 мин на рус. яз.) хранится в личном архиве автора; воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г. р. : записаны 23 февр. 2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (43 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

⁵ Воспоминания Подобед Варвары Иосифовны, 1918 г. р. : записаны 10 июля 2009 г. в д. Велевщина Лепельского р-на. Аудиозапись (19 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

⁶ Воспоминания Козловского И. И.

был увязан со вступлением человека в колхоз, и если ранее гражданин (в данном случае мать информанта) не проживал в населенном пункте и не участвовал в создании колхоза, то он не участвовал и в разделе колхозного имущества¹. Еще один информант сообщает, что им с матерью выделили колхозного поросенка, хоть они ранее в деревне не проживали и родители не были членами данного колхоза².

В разные периоды оккупации по-разному выглядело материальное положение граждан. Например, житель деревни Затежлясье сообщает, что, помимо полученного из колхоза в совместное пользование с соседями коня, в семье была своя корова. Позднее, во время первой блокады, гражданское население было выведено в Лепель, и там корову изъяли. С каждым последующим годом оккупации ухудшался рацион, не стало зерна, лошадей, не на чем было обрабатывать землю («каней нет, што немцам, што партизанам панадабiцца»), поэтому информант передает оценку людьми дальнейших перспектив: «яшчэ год вайна – i мы началi б з голаду вымiраць, патаму што пахаць неяк ужо было»³.

Количество скота в хозяйствах постоянно уменьшалось – как из-за сдачи натуральных налогов (если деревня была подконтрольна немцам) или немецких реквизиций, так и по причине изъятия скота партизанами. Один из информантов вспоминает, что партизаны забрали в деревне коров, поэтому он свою корову прятал в кустарнике. Также в период дислокации партизан в соседних Горках на их деревню была наложена обязанность отдавать партизанам по два мешка зерна с хозяйства, плюс забирали скот («а пад вясну i голодалi i не было што ў агарод пасеiць»). После раздела колхозных лошадей семья информанта получила жеребенка, но весной 1942 г. полиция приказала привести лошадей в Лепель, и после осмотра было приказано доставить их в военный городок. Оставшиеся в деревне лошади закреплялись за несколькими хозяйствами одновременно⁴. В отдельных случаях можно было приобрести скот, договорившись с партизанами. Например, житель деревни Велевщина сообщает, что партизаны гнали скот, реквизированный в подконтрольной немцам деревне. Их корова не давала молока, и отец поменял ее у партизан на другую, доплатив самогоном, но следующей весной, во время блокады, из Годивли, где размещался гарнизон, приехали немцы и забрали ее («мы держались за нее, плакали, а они прикладами»)⁵.

¹ Воспоминания Буртыля С. В.

² Воспоминания Захаровой Валентины Васильевны, 1930 г. р. : записаны 23 февр. 2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (28 мин на рус. яз.) хранится в личном архиве автора.

³ Воспоминания Козловского И. И.

⁴ Воспоминания Малявко П. Ф.

⁵ Воспоминания Богдановича Владимира Романовича, 1928 г. р. : записаны 10 июля 2009 г. в д. Велевщина Лепельского р-на. Аудиозапись (46 мин на рус. яз.) хранится в личном архиве автора.

В условиях практически полного отсутствия продуктов использовались суррогатные добавки, употребляли крапиву и другие травы, пищу ели несоленой («елі і крапіву, елі і мядулькі, і верас, і гнілую бульбу і ўсё елі»)¹. Житель деревни Затецклясье описывает ситуацию следующим образом: «Такая руцька, расценне звалася. Пустазелле, мы звалі яе руцька, а хто яе знае, як па-правільнаму. Мы яе зморгалі, а потым з яе пяклі хлеб. А вясной, вот ужо тут вясной, дык і я перакапываеш усю бульбу, увесь агарод перакапаны, гэту ж мёрзлую дастаеш, і вот тады к гэтай мёрзлай што-небудзь умешваеш»².

Реалиями оккупационного быта стали лучина, добыча огня с помощью «крэсала», сохранение жара в печи³. Мыли волосы, стирали одежду с помощью золы, делали мыло из костей и мыльного камня⁴. От голода и антисанитарии люди болели фурункулезом и чесоткой, которую лечили, смазывая кожные покровы дегтем⁵. Вот как описывает ситуацию информант, проживавшая в деревне Демешково: «У меня эти чири, фурункулы были. Я утром встану, а у меня прилипнет к самотканой рубашке...» Следы фурункулеза оставались на теле и после войны. Несмотря на сложность перемещения и страх, мать сумела показать девочку врачу в Лепеле⁶. Многие люди переболели тифом, выжившие были истощены до предела, не могли работать физически⁷.

Некоторые граждане изготавливали самогон, так как с его помощью можно было достать что-либо⁸. Например, житель деревни Затецклясье сообщает, что за самогон партизаны могли отдать в хозяйство лошадь, которая им уже не подходила, а на соль можно было бы выменять и лучшую лошадь, но соли не хватало самим⁹.

Многие информанты упоминают, что их родители или односельчане ходили в Лепель на базар, хоть попасть в город было не просто, причем жители одной деревни могут как подтверждать походы в Лепель, так и отрицать («мога, хто і хадзіў, но мы не»)¹⁰. В Лепеле крестьяне меняли продукты питания, кур на соль¹¹. Помимо обмена в торговых операциях использова-

¹ Воспоминания Подобед В. И.

² Воспоминания Козловского И. И.

³ Воспоминания Козловского И. И.; воспоминания Богдановича В. Р.

⁴ Воспоминания Захаровой В. В.

⁵ Воспоминания Богдановича В. Р.

⁶ Воспоминания Захаровой В. В.

⁷ Воспоминания Подобед В. И.

⁸ Воспоминания Богдановича В. Р.

⁹ Воспоминания Козловского И. И.

¹⁰ Воспоминания Богдановича В. Р.; воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, 1924 г. р. : записаны 10 июля 2009 г. в д. Велевщина Лепельского р-на. Аудиозапись (1 ч 19 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора; воспоминания Подобед В. И.

¹¹ Воспоминания Богдановича В. Р.

лись советские и оккупационные денежные знаки¹. Очевидно, это было возможно в 1941–1942 гг., до начала массовых карательных операций немцев, и для жителей деревень, находящихся недалеко от города. Жительница деревни Затежлясье упоминает, как люди ходили в Лепель за солью со сгоревших складов: «Там бамбілі скалады нейкія, і мы хадзілі туды... і там соль абгарэную бралі. Зданіе само згарэла, а соль абгарэлая, ена ж не гарыць. Дык мы ўжо чорная саскрабем і набіраем добрую». Со временем, когда начало разворачиваться партизанское движение, походы в город стали опасны, люди боялись встретить немцев².

Помимо походов на базар посещение города было связано с попытками найти отправленных в лагерь родственников³.

Поскольку даже в относительно спокойные периоды жизни людям, начиная с весны 1942 г., угрожала отправка в Германию на принудительные работы, стратегией выживания стало вступление в брак (даже в очень молодом возрасте), поскольку немцы предпочитали в первую очередь отправлять на работу не состоявших в браке граждан⁴.

Крайне редки случаи, когда человек имел удостоверение личности. Очевидно, выдача таких удостоверений коснулась незначительной части населения, проживавшего в деревнях, которые определенное время более или менее надежно контролировались оккупационными властями: «Ва ўсіх паспарта былі, тада як рускія прыйшлі, усё забіралі, на военный учёт, а нашто яны табе? ...Фатаграфіі не было, но апісана рост, волосы, глаза, есть наколки дзе на целе і шрамы які, усё апісана, эта строга апісана, і печась нямецкая»⁵. Информанты, проживавшие в подконтрольных партизанам деревнях, удостоверений личности не имели.

Все без исключения воспоминания содержат информацию о партизанах. В отличие от западных районов по отношению к партизанам нет негатива. В большинстве населенных пунктов партизаны появлялись регулярно или даже продолжительное время размещались подразделения различных отрядов и бригад. В некоторых деревнях партизаны останавливались на зиму. Поэтому не удивительно, что информанты помнят названия отрядов, имена командиров и рядовых бойцов, с которыми контактировали долгое время, проживали под одной крышей. Так, житель деревни Волова Гора упоминает размещавшийся рядом штаб Лобанка (о чем также упоминает житель деревни Оконо); в доме жителя Затежлясья жили партизаны со Смоленского отряда («алексеевцы»); жительница Велевщины упоминает

¹ Воспоминания Малявко П. Ф.

² Воспоминания Козловского И. И.

³ Воспоминания Бороденок Т. И.

⁴ Воспоминания Малявко П. Ф.

⁵ Там же.

партизан отряда Райцева, «леоновцев», Керпича, командира Ставрова; жительница деревни Оконо помнит партизан-«лобанков»; жительница Ветчи рассказывает, что в их деревне находился штаб бригады «Дубова», а в их доме размещались разведчики, упоминает отряд «Железняк», партизанский лагерь недалеко от деревни, партизанский аэродром¹.

Восприятие партизан информантами в подавляющем большинстве случаев позитивное, тем более что часто родственники или односельчане информантов были в партизанах. Передача продуктов в подконтрольных партизанам деревнях, как правило, происходила добровольно и осознанно. Матери информантов, в домах которых продолжительное время размещались партизаны, готовили им еду (продукты партизаны привозили в ходе налетов на немецкие гарнизоны)². Жительница деревни Затежлясье описывает ситуацию следующим образом: «Ну, прыбляжыць адзін-два там, хлеба папрасіць, ну як ты не дасі, калі ёсць? Як нема, можа, хто і не даваў, а вот як мы, дык ніколі не адказывалі. Бульбу сабіралі, дажа атвазілі неяк. В обшчэм, як немец прышоў, былі фермы, а тады мы ўсю скаціну раздзялілі па душах. І вот у нас была і кабыла, і карова. А тады немцы пазабіралі ўсё, парцізаны скаціну не чапалі. У нас дужа не бралі, ну так прыбляжыць адзін есці там яму даць. А так самі сабіралі жыта, ячмень, сала якое было і давалі ім»³. Житель деревни Оконо отношения с партизанами характеризует как «отличные», им старались помочь (отдали сапоги и кожух). Но при этом приводится случай, когда после сожжения деревни ничего не осталось из скота, а партизан свернул голову последней курице; мать пожаловалась командиру, и партизан был арестован. Информант разделяет «настоящих» партизан и тех, кто с оружием скрывался в лесу (предполагает, что действовали по заданию немцев), которые грабили мирных жителей⁴. Житель деревни Велевщина, где размещались хозяйственные подразделения партизан, отмечает, что отношения между ними и мирными жителями были нормальные, но случалось всякое: «Леоновцы могли забрать и последний хлеб, а бригада Лобанка, Дубровского – дисциплина была нормальная»⁵. Градация партизан присутствует и в воспоминаниях жительницы деревни Ветча Ушачского района, есть сочувствие к разведчикам, которые постоянно ходили

¹ Воспоминания Крицкого Михаила Ивановича, 1928 г. р. : записаны 20 сент. 2011 г. в д. Волова Гора Лепельского р-на. Аудиозапись (49 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора; воспоминания Козловского И. И.; воспоминания Буртыля С. В.; воспоминания Подобед В. И.; воспоминания Крицкой Людмилы Кирилловны, 1930 г. р. : записаны 21 сент. 2012 г. в д. Оконо Лепельского р-на. Аудиозапись (10 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора; воспоминания Храменок О. А.

² Воспоминания Храменок О. А.; воспоминания Крицкой Л. К.; воспоминания Козловского И. И.

³ Воспоминания Бороденок Т. И.

⁴ Воспоминания Буртыля С. В.

⁵ Воспоминания Богдановича В. Р.

на задания. По ее словам, были партизаны, которые действительно воевали и которые лишь являлись таковыми по названию. Информанту запомнился случай, когда нетрезвый партизан под угрозой револьвера заставлял ее бабушку заливать водой ульи с пчелами, чтобы достать мед. Девочка бросилась за помощью к разведчикам («Ну яны тады яму ўлупілі добра»); вмешательство командира разрядило ситуацию, но два ведра меда все же были взяты для раненых¹. Проживавшая в деревне Демешково гражданка сообщает, что партизаны забрали кабанчика, выделенного семье ранее из колхозного стада. Несмотря на то что семья и родственники информанта к тому времени голодали, информант испытывала радость от того, что помогла партизанам, выкормив его. При этом приходилось делать блины из картофеля, добавляя траву. Она же сообщает, что ее тетя вышивала партизанам звезды на погоны, а местные жители испытывали уверенность в освобождении, которую поддерживали партизаны².

Партизаны пользовались помощью мирных жителей. Так, помимо приготовления еды, местных жителей привлекали к уничтожению мостов (в качестве подносчиков горючих материалов), перекапыванию дорог, постройке землянок, рытью траншей³. В деревне Велевщина партизаны организовали самооборону из жителей, в бане на въезде в деревню дежурили с оружием, караулили немцев с большака⁴. Житель деревни Волова Гора по заданию партизан возил людей через «Суражские ворота». Передвигались по ночам, останавливаясь на дневку, проходили возле немецких позиций под обстрелом. Также перегоняли скот в Ушачский район⁵. Подростков привлекали к разведке, отправляя впереди группы партизан с заданием подать сигнал, если их кто-то остановит⁶. Мать информанта, проживавшей в деревне Демешково, ходила в Лепель, где встречалась с ветеринаром, получала от него медикаменты для партизан⁷. Жительница деревни Савин Дуб по заданию Лобанка ходила в Лепель с ребенком на руках, меняла яйца на папиросы, доставала бинты для партизан⁸.

Естественно, что немцы рассматривали мирных жителей как пособников партизан и мстили им. Например, зимой 1942 г. жительница деревни Пышно

¹ Воспоминания Храменок О. А.

² Воспоминания Захаровой В. В.

³ Воспоминания Малявко П. Ф.; воспоминания Крицкого М. И.; воспоминания Захаровой В. В.

⁴ Воспоминания Богдановича В. Р.; воспоминания Петько Михаила Иосифовича, 1925 г. р. : записаны 10 июля 2009 г. в д. Велевщина Лепельского р-на. Аудиозапись (41 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

⁵ Воспоминания Крицкого М. И.

⁶ Воспоминания Козловского И. И.

⁷ Воспоминания Захаровой В. В.

⁸ Воспоминания Буйницкой Г. Н.

и ее мать были арестованы и некоторое время провели в тюрьме в Лепеле, но их отпустили, поскольку следствие не смогло доказать связь семьи с партизанами¹. По деревне Затежлясье немцы вели артиллерийский огонь из гарнизона, размещавшегося в деревне Савин Дуб. Постоянные обстрелы породили практику сооружения убежищ местными жителями². Часть домов в деревнях была уничтожена в ходе обстрелов и бомбардировок еще до масштабных карательных операций³. Часто люди вынуждены были уходить жить в лес, наведываясь в деревню за продуктами от случая к случаю⁴.

Граждане понимали, что действия немцев являются реакцией на партизанское движение: «Парцізаны стрельнуць і ўцякуць, у нас тут балоты непрахадзімыя. А немцы прыдуць і тады нас сабіраюць с дзярэўні, садзюць у круг і пулямёт наставюць. А самі ідуць вандруюць і бяруць што нада... Вот за гэта нашу дзярэўню і спалілі. ...Нашай дзярэўні было очень цяжка, нейтральная была, і тыя і тыя прахадзілі»⁵.

Мирные жители, в том числе дети, научились предугадывать действия врага. Например, пролет одного немецкого самолета над населенным пунктом трактовался как разведка, после которой ждали бомбардировки, поэтому люди старались укрыться в лесу. Рассказавшая об этом женщина пережила три бомбардировки, в ходе которых гибли и получали ранения односельчане⁶.

Гибель людей могла произойти в результате трагической случайности. Так, в ходе перестрелки партизан с немцами в деревне Горки шальная пуля попала в ребенка, которого несла на руках женщина, находившаяся в километре от места боя⁷.

Самые большие страдания выпадали на долю мирных жителей во время карательных операций нацистов. Гражданское население рассматривалось оккупантами как база партизанского движения, немцы исповедовали принцип коллективной ответственности всех жителей конкретной территории за действия народных мстителей. Так, жительница деревни Ветча вспоминает, что каратели подожгли коровник и сказали, что если в огне что-то взорвется (очевидно, подозревали схрон партизанского оружия), то деревню сожгут. О контактах жителей этой деревни с партизанами немцам сообщили родители полицаев, имевших неподалеку земельные наделы. Деревню подвергли бомбардировке, после чего мирное население вынуждено было уйти

¹ Воспоминания Гнивицкой Евгении Васильевны, 1924 г. р. : записаны 24 авг. 2009 г. в д. Сосновка Витебского р-на. Аудиозапись (1 ч 4 мин на рус. яз.) хранится в личном архиве автора.

² Воспоминания Козловского И. И.

³ Воспоминания Крицкого М. И.

⁴ Воспоминания Крицкой Л. К.

⁵ Воспоминания Бороденок Т. И.

⁶ Воспоминания Храменок О. А.

⁷ Воспоминания Малявко П. Ф.

в лес и зимовать в землянках; в деревню наведывались периодически. Печь-буржуйку топили по ночам, чтобы не выдать местоположение лагеря. Информант вспоминает, как дети из лесу заворуженно смотрели на зарево деревни, казавшееся им красивым, при этом они не понимали, что теперь негде жить¹.

Форпостом партизанской зоны являлась деревня Пышно, которую немцы регулярно обстреливали из минометов. Партизаны предложили мирным жителям эвакуироваться. Осенью 1942 г. большая часть жителей деревни выехала в лес. Весной оставшихся людей партизаны снова вывели в лес: «Людзей вывелі ў лес, з каровамі. Большэ ні ў кога нічога не было. Болей нічога не дзяржалі. Кароўкі раўлі. Так трывожна. Помню, я вяла карову. Нешта там радзіцелі няслі, сястронкі. Адна была маленькая. У лес вывелі. У лесе не помню сколька былі. Нядзелі две, можа большэ»².

Бой немцев с партизанами, отступавшими в сторону озера Палик (на Троицу), семья проживавшего в деревне Оконо информанта пережидала в блиндаже (дом сгорел). Жителей выгнали из укрытий, собрали в сарай, обложенный соломой и окруженный пулеметами, где они три дня ждали смерти. Затем трудоспособные мужчины (от подростков до пожилых) в количестве 22 человек были отправлены на работу, остальных распорядился освободить приехавший на коне немец³. Это же подтверждает и другая жительница деревни, чей отец также был взят немцами на работу и позднее расстрелян⁴.

Отступление партизан из района постоянной дислокации становилось сигналом для мирных жителей уходить в лес. Двое мужчин были захвачены во время разведки в покинутой деревне Стайск. Через них каратели передали людям выходить из лесу под угрозой обстрела лесных массивов. По возвращении в деревню людей погнали в Борисов и далее в Германию⁵.

Если людям удавалось уцелеть в ходе первой блокады и не быть угнанными в Германию, то они, как правило, заставляли свои деревни сожженными. До следующего вынужденного ухода в лес жили в землянках или редких уцелевших строениях⁶. Даже если деревня не была сожжена в первую блокаду, наученные горьким опытом люди строили в лесу землянки, чтобы укрыться при первой же опасности⁷.

¹ Воспоминания Храменок О. А.

² Воспоминания Василевской Надежды Васильевны, 1924 г. р. : записаны 9 июля 2009 г. в д. Пышно Лепельского р-на. Аудиозапись (46 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

³ Воспоминания Буртыля С. В.

⁴ Воспоминания Крицкой Л. К.

⁵ Воспоминания Стельмах Анны Иосифовны, 1932 г. р. : записаны 20 сент. 2011 г. в д. Стайск Лепельского р-на. Аудиозапись (29 мин на белорус. яз.) хранится в личном архиве автора.

⁶ Воспоминания Подобед В. И.; воспоминания Богдановича В. Р.

⁷ Воспоминания Козловского И. И.; воспоминания Храменок О. А.

Угроза захвата немцами мирных жителей существовала permanently с 1942 г. и до конца оккупации. Типичный сюжет воспоминаний – захваченные в лесу мирные жители находились под прицелом пулеметов, пока немцы решали их судьбу, как, например, попавшие в такую ситуацию жители деревни Велевщина. Если немцы решали не расстреливать захваченных, происходила сортировка. Часть людей отправляли в Борисов (очевидно, в сборный лагерь для отправки в Германию), часть – в Лепель, откуда спустя некоторое время их размещали в подконтрольных немцам деревнях¹. По пути следования одной из партий людей через Холопеничи немец-охранник пугал людей, что их там расстреляют². Во время пребывания в деревне Мосеевщина полиция предлагала людям убежать, советовали не бояться, если будут стрелять (очевидно, планировали стрелять не прицельно), но убегали наиболее смелые³. Семью еще одного жителя Велевщины отправили жить в деревню Зорница, староста которой был связан с партизанами и вскоре отпустил домой. Деревня была обеспеченная (жители разобрали военные стада в начале войны), и староста дал им корову. По возвращении в сожженную немцами Велевщину жили в уцелевшей бане⁴.

Зимой 1943 г. (информанту запомнилось, что был какой-то праздник) каратели пришли в деревню Слободка, поскольку в окрестностях партизаны убили нескольких немцев. Каратели врывались в дома и расстреливали людей. Деревня была сожжена. Сама информант с ребенком на руках была взята немцами в лесу. Захваченные граждане были отправлены в Лепель и проходили фильтрацию. На допросе присутствовал бургомистр, который выдавал партизанские семьи. Попытка женщины выдать брата за своего мужа, о котором спрашивали на допросе, потерпела неудачу, бургомистр сказал, что муж в партизанах. Людей, обвиненных в связях с партизанами, автомашинами отправили в Витебск и далее поездом в концлагерь Освенцим⁵. Через лагерь смерти «5-й полк» в г. Витебске прошла и жительница деревни Пышно, позже отправленная на работу в Германию⁶.

Скрывавшееся в лесу гражданское население немцы и полиция выявляли в ходе прочесывания лесных массивов. Кому-то посчастливилось убежать, но многие были схвачены. Иногда людям удавалось избежать смерти по счастливой случайности, как захваченным жителям деревни Ветча Ушачского района, которых гнали на расстрел, но его предотвратило вмешательство «родионовцев» («у нямецкай адзеже на трох лошадах. Два кані такі былі краснаватыя, а адзін быў такі вот серый конь. Такі красівы, яблакамі»),

¹ Воспоминания Подобед В. И.

² Воспоминания Петько М. И.

³ Воспоминания Подобед В. И.

⁴ Воспоминания Богдановича В. Р.

⁵ Воспоминания Буйницкой Г. Н.

⁶ Воспоминания Гнивицкой Е. В.

которые пригрозили карателям (немцам или полицаям?) открыть огонь. Некоторые люди находились под прицелом немецких пулеметов, пока не вернулась немецкая бронетехника (информант считает, что в случае боестолкновения немцев с партизанами их бы уничтожили). Людей гнали перед техникой. Загнали в дом одной из деревень, где продержали около трех дней, после чего отправили в другую деревню (информанту запомнились немецкие машины радиосвязи и солдаты в наушниках) и далее в лагерь в Лепель. После задержания солдаты (информант затрудняется определить их национальную принадлежность; возможно, французы из Эльзаса и Лотарингии) знаками показали детям наловить лягушек, которых жарили на костре (детям за это дали хлеба). В лагере их продержали около месяца, гоняли к реке мыться (очевидно, была весна-лето), кормили скудно («Там нейкія шалупкі, як цяпер чысцім, шалупкі такія былі. Чорныя, там не знаю што даже. Нейкая капуста смярдючая»). Некоторое время поддерживать силы удавалось благодаря местным женщинам, которые ходили доить коров и наливали детям молока в немецкие жестяные банки, которые дети специально разыскивали, но вскоре женщины перестали приходить. Взрослых отправляли на работы. Купание детей в реке двое взрослых однажды использовали для побега, ползком в толпе детей приблизившись к реке и переплыв ее. Вечером охрана искала беглецов, в том числе в детском бараке, перетрясли шомполами солому, детей ставили к стене, допрашивали, таскали за волосы. После инцидента подход к реке загородили колючей проволокой, предупредив, что при попытке пересечь реку охрана будет стрелять. Часть взрослых узников была увезена на машинах, у оставшихся спрашивали, есть ли знакомые в других деревнях, и отпускали, указав, что в случае ухода с нового места жительства родственников расстреляют, но со временем люди все равно возвращались домой¹.

Жители деревни Пышно во время блокады в 1943 г. прятались в лесу, при приближении немцев переходили с места на место, иногда теряя кого-либо из близких. Знание местности, надежды отсидеться в глубине леса могли оказаться напрасными. Людей выявляли немцы или полицайи во время прочесывания лесных массивов. Захват в плен информанты рассматривают как везение, потому что не убили. Далее людей погнали в Лепель. В ближайшую ночь их загнали в сарай в одной из деревень, что было воспринято как сигнал, что их сожгут, поэтому женщины на коленях ползли к немецкому офицеру и просили не убивать. В лагере в Лепеле содержались неделю, дети отдельно от родителей, жили на территории военного городка в кишевших вшами помещениях («А вшэй было – ужас! Невозможна было! А тоўстыя, а белыя, а бальшыя! Па лбу поўзаюць»). Некоторым задержанным удалось договориться с охраной (очевидно, из местных полицаяев) и бежать.

¹ Воспоминания Храменок О. А.

Среди задержанных искали семьи партизан и отправляли в концлагерь, полиция же советовали им добровольно вызваться ехать на работу в Германию, куда отправляли целыми семьями, не разлучая людей¹.

То, что во время фильтрации немцы в первую очередь старались выявить партизанские семьи, подтверждают многие информанты. Оккупантам помогали в этом старосты или родственники представителей местной администрации и полиции. Поскольку сохранить факт принадлежности к семье партизан было сложно, многие люди, чтобы не попасть в концлагерь и сохранить жизнь, выражали согласие поехать на работу в Германию².

Оценки информантами бойцов коллаборационных формирований зависят от конкретной ситуации, в которой происходили контакты с ними. Так, жители деревни Велевщина, где в 1942 г. размещалось подразделение украинского полицейского батальона, отмечают, что отношение украинских солдат к местным было нейтральное. Никто из жителей деревни не был убит (однако один из информантов упоминает избивание украинцами двух односельчан, подозревавшихся в контактах с партизанами), не упоминается мародерство (за исключением убоя кабана-производителя)³. Информанты не представляли себе задач подразделения, не знали имени командира, в какие-либо контакты с ними не вступали. Упоминаются лишь отдельные моменты, как, например, использование украинцами велосипедов в качестве средства передвижения, нахождение их за укреплениями вокруг здания школы, где они дислоцировались (по деревне не ходили), песни и танцы («танцевали там, музыка у них играла, веселились в школе»)⁴. Размещавшийся в то же время латышский полицейский батальон в воспоминаниях очевидцев фигурирует лишь однажды, и то, что речь идет именно о них, можно установить лишь по косвенным признакам («язык чувствуецца, што русски знают трошки»)⁵. Очевидно, украинцы и латыши дислоцировались в регионе тогда, когда партизанское движение еще не было масштабным и бойцов вооруженных формирований не привлекали к антипартизанским акциям и актам насилия по отношению к мирным жителям.

Гораздо чаще в воспоминаниях фигурируют бойцы дислоцированной в 1943 г. в Лепельском районе Русской народной освободительной армии (РОНА) под командованием Бронислава Каминского. Понеся серьезные потери в ходе боев с партизанами и частями Красной армии на территории РСФСР, РОНА нуждалась в пополнении личным составом, поэтому началась мобилизация в ее ряды жителей Лепельского района. Последнее обстоятельство во многом

¹ Воспоминания Василевской Н. В.

² Воспоминания Тарасевич В. Ф.; воспоминания Петько М. И.

³ Воспоминания Богдановича В. Р.

⁴ Там же; воспоминания Тарасевич В. Ф.; воспоминания Подобед В. И.

⁵ Воспоминания Буртыля С. В.

и обусловило достаточно сдержанное отношение информантов к бойцам РОНА. Отсутствие в большинстве воспоминаний негатива по отношению к «народникам» (так их называли местные жители) связано с тем, что люди понимали принудительный характер вербовки. Часто для молодых мужчин выбор был не большой: либо отправка на принудительные работы в Германию, куда абсолютное большинство жителей оккупированных территорий СССР не хотели попасть, либо вынужденное вступление в ряды РОНА в надежде хотя бы остаться на родине: «Народнікі дужа не паказывалісь. Сем'і то іхнія тут жылі, дык яны наўерна баялісь, што калі яны наврадзяць, то і парцізаны сям'е іх тое самае зробіць. Ну а так семью народнікаў не абіжалі, бо усе самі відзелі, што дабравольна ніхто не хацеў ісці. А яны сабралі іх і прад'явілі, што калі ня хочыш аружэ браць, то іді на завод у Германію»¹. Можно предположить, что такие бойцы не совершали актов насилия над местными жителями, что подтверждают и сами информанты². Повседневные контакты с «народниками» также были редкими, не во всех деревнях информанты знали о них³. Партизаны не трогали семьи мобилизованных в РОНА, со своей стороны народники из числа местных жителей не выдавали никого из партизанских семей. Мобилизация в РОНА и отправка на работу в Германию были возможны при наличии в деревнях трудо- и боеспособных мужчин. Захват людей немцами один из информантов объясняет тем, что партизаны принимали к себе только с оружием: «Ну а тут хто яму дасць зброю, нада ж каб немцы якія забітыя былі, а тут забі ты яго!»⁴. Некоторые мобилизованные в РОНА мужчины позднее переходили к партизанам⁵.

Житель деревни Лазовики, где размещались бойцы РОНА, рассказывает, что им удалось выбить партизанский гарнизон из деревни Горки, о чем было написано в газете РОНА. Мужчины призывного возраста были взяты в плен (очевидно, рассматривались как потенциальные помощники партизан), но позднее завербованы в ряды РОНА (вероятно, принудительно), о чем также была информация в газете. Эскапсов в отношениях между мирным населением и «народниками» информант не приводит, за исключением мобилизации жителей на строительство узкоколейки⁶.

Негативное отношение к «народникам», стоявшим в соседней деревне, содержится в воспоминаниях информантки, жившей в период оккупации в Демешково. В воспоминаниях фигурирует перестрелка партизан и «народников», информанту запомнились трассирующие пули, одна из которых

¹ Воспоминания Бороденок Т. И.

² Воспоминания Буртыля С. В.

³ Воспоминания Подобед В. И.

⁴ Воспоминания Бороденок Т. И.

⁵ Воспоминания Козловского И. И.

⁶ Воспоминания Малявко П. Ф.

попала в шкаф комнаты, где она находилась. Утром после боя в деревне стало известно, что партизаны убили местного жителя, чей сын служил в «народниках»¹.

Русская национальная бригада СС «Дружина» В. Гиль-Родионова фигурирует лишь в одних воспоминаниях. Проживавшая в деревне Ветча Ушачского района гражданка упоминает, что местные жители от партизан знали, что «родионовцев» (хоть они и были одеты в немецкую униформу) не нужно бояться, что они передают партизанам сведения². Очевидно, встреча информанта с ними состоялась накануне перехода этого формирования коллаборационистов на сторону партизан.

Крайне редко в воспоминаниях содержится информация о том, что из конкретной деревни никто не пошел в партизаны, но при этом информант может упоминать, что кто-то из знакомых пошел служить в полицию³. Так, житель деревни Лазовики упоминает соседа-полицая, который занимался мародерством среди местных жителей, хвастался, что ему разрешено применять оружие, производил немотивированную стрельбу, в результате был расстрелян самими же немцами. Также в полицию шли служить и некоторые красноармейцы-приписники. Информант приводит интересные сведения о вооружении полицейев. Вначале они (до расстрела одного из них) были вооружены советскими винтовками и не испытывали дефицита в патронах (отсюда и беспорядочная стрельба), но позднее немцы выдали им норвежские винтовки с минимумом патронов и ввели строгую отчетность за израсходованные боеприпасы⁴.

Информанты отмечают, что, поскольку полицаи являлись местными жителями, они владели информацией и именно они приводили немцев туда, где прятались люди, выдавали тех, кто являлся до войны советским активистом («кончилась ваша власть»). Естественно, что они становились объектами мести со стороны партизан. Так, житель деревни Ононо вспоминает, что партизаны после целенаправленной охоты подстрелили полицая (который все же выжил) и сообщили об этом местным жителям («вашэга фюрэра барадатого уничтожили»). Не всегда понятно, что руководило конкретным человеком, вступившим в ряды полиции. Очевидно, в ряде случаев присутствовала обида на советскую власть. Тот же информант сообщает, что местный полицейский был перед войной принудительно переселен с хутора⁵.

По сравнению с полицаями в ряде случаев менее негативно оцениваются сельские старосты, тем более что некоторые из них были связаны с партиза-

¹ Воспоминания Захаровой В. В.

² Воспоминания Храменок О. А.

³ Воспоминания Богдановича В. Р.; воспоминания Малявко П. Ф.

⁴ Воспоминания Малявко П. Ф.

⁵ Воспоминания Буртыля С. В.

нами¹. Староста позиционируется как человек, вынужденный от имени общины коммуницировать с немцами: «...в общем, надо, приедуць там. Паходзяць там, як ці чаго. Но надо як-нібудзь, гаворыць. Сабярыце, гаворыць. А так ён ня врэдны. Нікога не выдаваў»². В то же время информанты могут указывать, что в других деревнях было иначе, и там старосты или полицаи сводили с односельчанами личные счета, выдавали людей, связанных с партизанами³. Проживавшая в деревне Демешково информант крайне негативно характеризует местного старосту, который приходился им дальним родственником: «Причем староста был не такой, что знаете, лишь бы только создавать видимость. Прислуживался немцам». Он дважды пытался отправить мать информанта в Германию (с огромным трудом и с помощью подарков удалось уговорить не отправлять), выдал немцам двоих красноармейцев, открыто проявлял ненависть к советской власти и позднее эвакуировался вместе с немцами⁴.

Таким образом, специфика рассматриваемого региона (наличие крупных лесных массивов и, как следствие, многочисленных подразделений партизан) отразилась в воспоминаниях очевидцев событий 1941–1944 гг. Партизаны фигурируют абсолютно во всех воспоминаниях. Все информанты отмечают перманентную угрозу жизни, высокую вероятность сожжения населенных пунктов, привычку прятаться в лесу при первых же признаках опасности со стороны карателей. Воспоминания также иллюстрируют экстремальный оккупационный быт и специфические практики выживания.

Літэратура

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область : сб. архив. док. и материалов / сост.: А. Р. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2020. – 932 с.

2. ГАВЛ. – Ф. 2088. – Оп. 2. – Д. 2.

Рэзюмэ

Я. А. Грэбень

ПАЎСЯДЗЁННАСЦЬ МІРНАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ПОЛАЦКА-ЛЕПЕЛЬСКОЙ ПАРТЫЗАНСКОЙ ЗОНЫ (па матэрыялах вуснай гісторыі)

У артыкуле на аснове ўспамінаў відавочцаў разглядаецца спецыфіка штодзённасці жыхароў Полацка-Лепельскай партызанскай зоны. Адзначаецца, што доўгачасовае знахо-

¹ Воспоминания Буртыля С. В.; воспоминания Богдановича В. Р.

² Воспоминания Храменок О. А.

³ Воспоминания Бороденок Т. И.

⁴ Воспоминания Захаровой В. В.

джанне многіх населеных пунктаў пад кантролем партызан адбілася на ўспрыманні інфармантамі акупацыйнай рэчаіснасці. Найгалоўнымі сюжэтамі ўспамінаў з'яўляюцца адносіны з партызанамі, карныя аперацыі нацыстаў супраць партызан і мірнага насельніцтва, спецыфічныя практыкі выжывання ў экстрэмальнай сітуацыі.

Summary

Y. A. Hreben

EVERYDAY LIFE OF THE CIVILIAN POPULATION OF THE POLOTSK-LEPEL PARTIZAN ZONE (by the material of oral history)

The specifics of Polotsk-Lepel partisan zone inhabitants' everyday life, which is based on the recollections of eyewitnesses, is examined in the article. It is noted that the long-term presence of many settlements under the control of the partisans has left its mark on the perception of the occupation reality by the informants. The main plots of memories are relations with partisans, Nazi punitive operations against partisans and civilians, specific practices of survival in an extreme situation.

A. B. Кузнецова-Тимонова

ИССЛЕДОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН И УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ 1950–1991 гг. (на примере представителей Лепельского района)

Тема локальных войн и военных конфликтов второй половины XX в., происходивших на территории иностранных государств, нова для белорусской историографии. Однако эти, казалось бы, «чужие» войны занимают важное место в военной истории нашей страны. Геополитические противостояния отражаются не только на истории государств, но и на судьбах их конкретных граждан, которые отправляются в чужие страны – зачастую на другие континенты, в непривычный климат и совершенно не знакомую среду представлять и защищать интересы своей страны.

Закон Республики Беларусь «О ветеранах» сообщает нам, что в настоящий момент в республике проживают ветераны 13 войн и военных конфликтов разной степени продолжительности (от нескольких месяцев до десятилетий). В Азии в качестве советских военных специалистов и советников они могли принимать участие в войнах в Корее (1950–1953), Вьетнаме (1961–1974), Камбодже (1970), арабо-израильских войнах на стороне Египта (1962–1974, с перерывами) и Сирии (1967–1973, с перерывами), Йемене (1962–1963, 1967–1969), Бангладеш (1972–1973), Лаосе (1960–1970, с перерывами).